

Т
Р 34703

А. Г. ВАРДОВСКИЙ

ФРОНТОВАЯ
хроника

стихи

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1945

А. ТВАРДОВСКИЙ

ФРОНТОВАЯ
хроника

СТИХИ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
Москва 1945

Т-26 + рисунки

Редактор *П. Антокольский*

Художник *И. Николаевцев*

А13640. Подписана к печати 12/II 1945 г. Печ. л. 21/8
Авт. л. 2,57. Уч.-изд. л. 2,75. Тираж 10.000. Заказ 1945

Цена 3 р., в переплете 4 р. 50 к.

Тип. «Красный печатник», Москва, ул. 25 Октября, 5

* * *

В тот самый час, воскресным днем,
По праздничному делу,
В саду косил ты под окном,
У занавески белой.

Трава была травы добрей —
Горошек, клевер дикий,
Густой метелкою пырей
И листья земляники.

И ты косил ее, сопя,
Кряхтя, вздыхая сладко,
И сам подслушивал себя,
Когда звенел лопаткой:
Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Таков завет и звук таков,
И по косе вдоль жала,
Смывая мелочь лепестков,
Роса ручьем бежала.

Понос высокий, как постель,
Ложился взбитый пышно,
И непросохший сонный шмель
В покосе пел чуть слышно.

И с мягким махом тяжело
Косье в руках скрипело,
И солнце жгло, и дело шло,
И все, казалось, пело:
Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Помытый пол блестит в доме
Опрятностью такую,
Что просто радость по нему
Ступить босой ногою.

И хорошо за стол свой сесть
В кругу родном и тесном
И, отдыхая, хлеб свой есть,
И день хвалить чудесный.

Тот, вправду, день из лучших дней,
Когда нам вдруг с чего-то
Еда вкусней, жена милей
И веселей работа:
Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завывала.

И, опершись на косье,
Босой, простоволосый,
Ты постоял и понял все,
И не дошел прокоса.

Не докосил хозяин луг,
В поход запоясался.
А в том саду все тот же звук
Как будто раздавался:
Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

И был ты, может быть, уже
Забит самой войною
И на безвестном рубеже
Зарыт иной землею.

Не умолкая, этот звук,
Щемящий звон лопатки,
В труде, во сне тревожил слух
Твоей жене-солдатке.

Он сердце ей насквозь изжег
Тоскою неизбытой,

Когда косила тот лужок
Сама косою небитой:
Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой.

Слепили слезы ей глаза,
Томила душу жалость.
Не та коса, не та роса,
Не та трава, казалось...

Пусть горе женское пройдет,
Жена тебя забудет
И замуж, может быть, пойдет
И будет жить, как люди.

Но о тебе и о себе,
О давнем дне разлуки
Она в любой иной судьбе
Вздохнет при этом звуке:
Коси, коса, пока роса,
Роса долой — и мы домой...

1942—1943.

ЗЕМЛЯКУ

Нет, ты не думал,— дело молодое,—
Покуда не уехал на войну,
Какое это счастье дорогое —
Иметь свою родную сторону.

Иметь, любить и помнить угол милый,
Где есть деревья, что отец сажал,
Где есть, быть может, прадедов могилы,
Хотя б ты к ним ни разу не ходил;

Хотя б и вовсе там бывал не часто,
Зато больней почувствовал потом,
Какое это горькое несчастье —
Вдруг потерять тот самый край и дом,

Где мальчиком ты день встречал когда-то,
Почуяв солнце заспанной щекой,
Где на крыльце одною няньчил брата
И в камешки играл другой рукой,

Где мастерил ему с упорством детским
Вертушки, пушки, мельницы, мечи...
И там теперь сидит солдат немецкий,
И для него огонь горит в печи.

И что ему, бродяге полумира,
В твоём родном, единственном угле?
Он для него — не первая квартира
На пройденной поруганной земле.

Он гость недолгий, нет ему расчета
Щадить что-либо, все, как трин-трава:
По окнам прострочит из пулемета,
Отцовский садик срубит на дрова...

Он опоганит, осквернит, отравит
На долгий срок заветные места
И даже прах свой чуждый здесь оставит —
В земле, что для тебя священна и чиста.

Что ж, не тоскуй и не жалея, дружище,
Что отчий край лежит не на пути,
Что на свое родное пепелище
Тебе другой дорогою итти.

Где б ни был ты в огне передних линий —
На Севере иль где-нибудь в Крыму,
В Смоленщине иль здесь, на Украине, —
Идешь ты нынче к дому своему.

Идешь с людьми в строю необозримом,---
У каждого своя родная сторона,
У каждого свой дом, свой сад, свой брат
любимый,
А родина у всех у нас одна...

1942

В ПУТИ

В пути на остановке,
Свалив на землю кладь,
Лежала ниц на бровке,
Как на могилке, мать.
Две белых головенки
Погодков полдень жег.
Меньшой, раскрыв пеленки,
Жевал сухой рожок...

Шагая в одиночку,
Боец на тот привал
Наткнулся.

— Плачешь, дочка,—
Спросил, не то сказал.

Немолодой, усатый,
Лицом похож был он
На мужика-солдата
Всех войн и всех времен.

— Так-так... — Вздохнув с устатку,
Он постоял еще,

Потом поправил скатку,
Натершую плечо.

И так ей показалось,
Когда взглянула мать,
Что всю ее усталость,
Всю боль он мог понять,

И что жарой дорожной,
Походом изнурен,
Не будь детей, возможно,
Прошел бы мимо он.

Он медлил, друг безвестный,
Пройти, пропасть вдали.
— Неужто вправду места
Вы хуже не нашли?

И лоб ладонью вытер:
— А что б еще пройти...
Помочь? Так я — любитель,
Да мне и по пути.

В дороге, в год суровый,
Начальник не велик,
Он не сулил им крова,
Угла, солдат-мужик.
Но местом незнакомым,
Где высмотрел привал,

Он, не шутя, как домом
Родным располагал.

— Гляди-ка, где получше,
Который куст милей,—
Показывал попутчик
Попутчице своей.—
Тут все тебе, что надо:
И речке, и дрова,
И тишина-прохлада,
И мягкая трава.
И не давай ты воли
Тоске. Переживем.

— Да о себе я, что ли?
— О ком же?
— Да о нем..
— О нем... тогда напрасно,—
Махнул боец рукой,—
Напрасно! Не согласна?
А вот резон какой...

И будто для заминки,—
Постой, всему свой срок,—
Казенные ботинки
Стащил с горячих ног.
Под куст поставил чинно,—
Пусть обувь отдохнет.

Вздохнул 'босой' мужчина
И продолжал:
— Так вот...

Война — войной, не спорим,
Зато теперь наш брат
Кругом убрался с полем,
Ни в чем не виноват.
Одет, обут, доволен,
Свободен от хлопот.
Воюй и только, воин,
А кухня вслед идет.
Убьют? Нельзя заранее
Бояться никогда.
А, может, прежде ранят,
И то — смотря куда.
Вот я был ранен лично,
Царапина, пустяк,
И даже неприлично
Сказать, в каких местах.

Он будто вновь замялся,
Пошевелив спиной,
И старший рассмеялся
Мальчишка озорной.
И на него нестрого
Попутчик посмотрел.
— Вот, погоди немного,
Пойдешь служить, пострел.

И точно, без обману
Узнаешь в той судьбе:
Ни смерть нельзя, ни рану
Нам выбрать по себе... —

И, надкусив травинку,
Задумался, поник,
По форме, под машинку,
Остриженный мужик,
Ремнем, обмундировкой
Снабженный в аккурат,
Немолодой, неловко
Пораненный солдат.

Тогда к нему солдатка
Чуть подалась плечом
С лукавою подглядкой:
— Ну вот, а сам о чем?
Одет, обут, доволен,
Свободен от хлопот,
А сам о чем ты, воин,
Гадаешь наперед?

Встряхнулся виновато:
— Да о себе ли я?
А вот — жена, ребята,
Одно сказать — семья...

— О ней, солдат?
— Ну, ясно.
О чем еще гадать?

— О ней,— тогда напрасно,
Не надо,— молвит мать.

Черна на небе туча,
Страшна беда-война,
Да бабья мочь живуча,
Тягуча, брат, она.

Не в шутку говорится:
На бабах все сейчас.
Осталось научиться
Рожать одним, без вас.

Того и нехватало,—
Добавила она.

— Научитесь, пожалуй,—
Вздыхнул боец.— Война.—
Потом промолвил тише,
Куда-то глядя вдаль:
— Все ничего, детишек,
Детишек только жаль...

В огне, в огне полсвета,
Огнем горит закат.
Семья в дороге где-то,
В пути отец-солдат...

Но все, но все по силе,
Все по плечу тебе,
Большой народ России,
В твоей большой судьбе!

1943

АРМЕЙСКИЙ САПОЖНИК

В лесу, возле кухни походной,
Как будто забыв о войне,
Армейский сапожник холодный
Сидит за работой на пне.
Сидит без ремня, без пилотки,
Орудует в поте лица.
В коленях сапог на колодке,
Другой — на ноге у бойца.

И нянчит и лечит сапожник
Сапог, что заляпан такой
Немыслимой грязью дорожной,
Окопной, болотной, лесной,
Не взять его, кажется, в руки,
А доктору все нипочем,
Катает согласно науке
Да двигает лихо плечом,
Да щурится важно и хмуро,
Как знающий цену себе.

И ухарски важно окурок
Висит у него на губе.

Все точно: движенья по счету,
Удар — где такой, где сякой.
И смотрит боец за работой
С одною босою ногой
И хочет, чтоб было получше
Сработано — чтоб в аккурат.
И скоро сапог он получит,
И — топай обратно, солдат.

Кто знает — армейской подковки,
Подбитой по форме под низ,
Достанет ему до Сычевки,
А может, до самых границ.

И, может быть, думою сходной
Он занят, а может быть, нет...
И пахнет от кухни походной,
Как в мирное время, обед.

И в сторону гулкой, недалней
Пальбы — перелет-недолет —
Спокойно, как будто похвально,
Кивает сапожник:

— Дает...

— Дает, — отзывается здраво
Боец. И не смотрит; война.

Налево война и направо,
Война поперек всей державы,
Давно не в новинку она;

У Волги, у рек и речушек,
У горных далеких дорог,
У северных хвойных опушек
Теснится колесами пушек,
Мильонами грязных сапог.

Наломано столько железа,
Напорчено столько земли
И столько повалено леса,
Как будто столетья прошли.

А сколько разрушено крова,
Потрачено жизни самой!

Иной — хоть живой и здоровый —
Куда он вернется домой?

Найдет ли окошко родное,
Куда постучаться в ночи?

Все прахом, все пеплом-золою.
Сынишка сидит сиротою
С немецкой гармошкой губною
На чьей-то холодной печи.

Поник журавель на колодце,
И некому воду носить...
И что еще видеть придется,
Само не пройдет, не сотрется,
За все это надо спросить..

Привстали, серьезные оба.

— Кури.

— А давай закурю.

— Великое дело, брат, обувь.

— Молчи, я и то говорю.

Беседа идет, не беседа,

Стоят они, курят вдвоем.

— Шагай, брат, теперь до победы.

Нехватит, еще подобьем.

— Спасибо. — И будто бы другу,

Который его провожал,

Товарищ товарищу руку

Внезапно и крепко пожал.

В час добрый! Что будет, то будет.

Бывало! Не стать привыкать.

Родные великие люди,

Россия, родимая мать...

1942

РАССКАЗ СТАРИКА

— А и так подумать, милый,
А и так понять, сынок,
Ведь она ее кормила,
Берегла, растила впрок.
И забота ей в охоту
С телкой той. Была она
За усердную работу
От колхоза ей дана.
Дескать, вот тебе на племя,
Сберегай, обзаводись.
А потом приходит немец
И свою имеет мысль.
В ряд с немецкою полушкой
Твоему не встать рублю.
— Матка, матка, дай телушку,
Я телятину люблю.—
В глупой жалостной надежде
Баба с просьбой к подлецу:
Вы телушку, мол, не режьте,

А зарежьте вы овцу.
Плачет баба, топит печку,
Немца жалость не берет.
Правду скажем, что овечку
Он зарезал наперед.
Учинил себе пирушку.
Съел зараз бараний бок,
А потом уже телушку
На корыто поволок.
И опять у них жаркое,
Трое немцев за столом.
Даже в горе нет покоя
Со старухой нам вдвоем.
И в своем доме нам тесно,
Не уйти от ихних глаз.
Вдруг как станет интересно
Им спьяна глядеть на нас.
Поглядят, перемигнутся,—
Их, мол, праздник и престол.
Вдруг как порснут, аж погнутся,
Аж повалятся на стол.
Пожуют, чего-то скажут,
Выпьют, снова пожуют,
Снова с хохоту поляжут —
Кто на скатерть, кто под кут.
И вовек такого смеха
Я не видел у людей.
Тот под стол нарочно съехал,
Чтоб еще ему смешней.

Тот в подливку локоть мочит,
Тот уж строит, что нивесть:
Вынул зеркальце, хохочет
И глядит, какой он есть.
Наше горе — им игрушки,
Веселей идет обед.
Ни овечки, ни телушки
У старушки, дескать, нет.
Хохот, грохот. Вскоре «гости»
Вовсе память перешли.
Со стола кидать нам кости
Норовят. Хватай с земли.
Как последняя собака,
Человек в своей избе.
И не выдержал, заплакал,
Признаюсь, сыночек, тебе.
Что ж тут есть на белом свете?
Как же быть? Куда бежать?
Где ж покинули вы, дети,
Старика, родную мать?
Или вы уж так далече,
Что кричать напрасно вслед?
Или бить его уж нечем —
Войска нет, силенки нет?
И уже пройдет граница
Поперек родной Руси?
И уже, как говорится,
Только милости проси?

И уже навеки глухо
Припечатана печать?..
А старуха... Ах, старуха,
Может, лучше б ей смолчать,
Вдруг и встала...

Не иначе

Не под силу боль пришлось:
Как сижу, хозяин, плачу —
Увидала в первый раз.
Или, может быть, подружке,
Тимофеевне моей,
Так уж стало жаль телушки,
Как бывает жаль детей.
Или, может, стало плохо,
Что топила жарко печь —
Вдруг немецкий этот хохот
У старухи вызвал речь.
У простой моей старухи,
Что весь век жила со мной.
Поднялися с дрожью руки
Над седою головой.
Слов тех много или мало,
Суть одна и смерть одна.
— Будьте прокляты, — сказала, —
Ни покрывки вам, ни дна!..
Отдалось в мозгах их пьяным
Бабье слово трезвое.
За столом их смех поганый,

Как ножом, отрезало.
И сидят в дыму табачном,
Блеск идет от красных лиц.
А старухе уж не страшно.
— Врешь,— кричит,—
  подохнешь, фриц!..

При словах последних этих,—
Все как будто бы во сне,—
Вынул немец пистолетик,
Отвалясь спиной к стене.
Погрозился б, так не диво,
Но меня, чуть вспомню,— в пот,
Как он целился лениво
И кривил от дыма рот.
На особую заметку
В память я навеки взял,
Что в зубах он сигаретку
В тот момент свою держал...
Не ослабла та пружинка,
Не подвел немецкий бой,
Не поспел и я, мужчинка,
Заслонить жену собой...
Отошла она без страху,
Довелось в своей избе.
А смеретную рубаху
Уж носила на себе.
Все тянулась пить из кружки,
И как мог сказать язык;

— Вот,— промолвила,— телушки
Не дождались мы, старик..
И такая боль и жалость
У меня, как вспомню я.
Ничего ты не дождалась,
Тимофеевна моя..
И не видно, и не слышно
Ей теперь из-под земли,
Что, как знала, так и вышло:
Час настал,— свои пришли.

1943

* * *

Когда пройдешь путем колонн
В жару, и в дождь, и в снег,
Тогда поймешь,
Как сладок сон,
Как радостен ночлег.

Когда путем войны пройдешь,
Еще поймешь порой,
Как хлеб хорош
И как хорош
Глоток воды сырой.

Когда пройдешь таким путем
Не день, не два, солдат,
Еще поймешь,
Как дорог дом,
Как отчий угол свят.

Когда науку всех наук —
В бою постигнешь бой,

Еще поймешь,
Как дорог друг,
Как дорог каждый свой.

И про отвагу, долг и честь
Не будешь зря твердить.
Они в тебе,
Какой ты есть,
Каким лишь можешь быть,—

Таким, с которым, коль дружить
И дружбы не терять,—
Как говорится,—
Можно жить
И можно умирать.

1943

* * *

Позаростали
Стежки-дорожки,
Где разбегались
Мы от бомбежки.

Позаростали
Мохом-травую
Окопы наши
Перед Москвою.

Водою черной
Полны землянки,
Где мы сушили
В тот год портянки

Своей и вражьей
Полито кровью,
В тылу далеко
Ты, Подмосковье.

В тылу далеко...
А ныне, ныне —
Места иные,
Бои иные.

Не те, пожалуй,
И люди даже.
Но вера — та же,
Но клятва — та же.

Прямой ли, кружной
Дорогой честной,
Дорогой трудной
Дойдем до места.

Дойдем, всей грудью
Вздохнем глубоко:
— Россия, братцы,
В тылу далеко...

1943

БОЛЬШОЕ ЛЕТО

Большое лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Густой, дремучею травой,
Уставшей думать о косе.

И у шлагбаумов контрольных
Курились мирные дымки,
На грядках силу брал свекольник,
Солдатской слушаясь руки...

Но каждый холмик придорожный,
И лес, недвижимый в стороне,
Безлюдьем, скрытностью тревожною
Напоминали о войне...

И тишина была до срока.
А грянул срок — и началось!
И по шоссе пошли потоком
На запад тысячи колес.

Пошли — и это означало,
Что впереди, на фронте, вновь
Земля уже дрожмя-дрожала
И пылью присыпала кровь...

В страду вступило третье лето,
И та смертельная страда,
Своим огнем обняв полсвета,
Грозилась вырваться сюда.

Грозилась прыгнуть в глубь России,
Заполонив ее поля..
И силой встать навстречу силе
Спешили небо и земля.

Кустами, лесом, как попало,
К дороге, ходок и тяжел,
Пошел греметь металл стоялый,
Огнем огонь давить пошел.

Бензина, масел жаркий запах
Повеял густо в глушь полей.
Войска, войска пошли на запад,
На дальний говор батарей.

И тот, кто два горячих лета
У фронтовых видал дорог,
Он новым, нынешним приметам
Душой порадоваться мог:

Не тот был строй калужских, брянских,
Сибирских воинов, не тот
Грузовиков заокеанских
И русских танков добрый ход,

Не тот в пути порядок чинный,
И даже выправка не та
У часового, что картинно
Войска приветствовал с поста.

И фронта вестница живая,
Вмещающая год в короткий час,
Не тот дорога фронтовая
Сегодня в тыл несла рассказ

Оттуда, с рубежей атаки,
Где солнце застил смертный дым,
Куда порой боец не всякий
До места доползал живым.

Оттуда пыль и гарь на каске
Провез парнишка впереди,
Что руку в толстой перевязке
Держал, как ляльку, на груди.

Оттуда лица были строже,
Но день иной и год иной,
И возглас: «Немцы!» — не встревожил
Большой дороги фронтовой.

Они прошли неровной, сборной,
Какой-то встрепанной толпой,
Прошли с поспешностью покорной,
Кто как шагая, в разнобой.

Гуртом сбиваясь к середине,
Они оттуда шли, с войны.
Колени, локти были в глине,
И лица грязные бледны.

И было все обыкновенно
На той дороге фронтовой,
И охранял колонну пленных
Немногочисленный конвой.

А кто-то воду пил из фляги
И отдувался, молодец.
А кто-то ждал, когда бумаги
Проверит девушка-боец.

А там танкист в открытом люке
Стоял, могучее дитя,
И вытирал тряпицей руки,
Зубами белыми блестя.

А некий мальчик босоногий
С неполным ягод котелком
Привал устроил на дороге,
Сухим закусывал пайком.

А кто-то, стоя на подножке
Грузовика, что воду брал,
Насчет того, как от бомбежки
Он уцелел, для смеху врал...

И третье лето фронтовое
Текло по сторонам шоссе
Глухою пыльною травюю,
Забывшей думать о косе.

1943

НЕМЫЕ.

Я слышу это не впервые
В краю, потоптанном войной,
Привычно молвится: «немые»,—
И клички нету им иной.

Старуха бродит нелюдимо
У обгорелых черных стен.
— Немые дом сожгли, родимый,
Немые дочь угнали в плен...

Соседи мать в саду обмыли,
У гроба сбились в кружок.
— Не плачь, сынок, а то немые
Придут опять. Молчи, сынок...

Голодный люд на пепелище
Варит немолотую рожь.
И ни угла к зиме, ни пищи.
— Немые, дед? — Немые, кто ж!

Немые, темные, чужие,
В пределы чуждой им земли
Они учить людей России
Глаголем виселиц пришли.

Пришли и ног не вытирали,
Входя в любой на выбор дом,
В дому, не спрашивая, брали,
Платили пульей и кнутом.

К столу кидались, как цепные,
Спешили есть, давась едой,
Со свету не-люди. «Немые»,—
И клички нету им иной.

«Немые». В том коротком слове
Живей, чем в сотнях слов иных,
И гнев и суд, что всех суровой,
И счет великий мук людских.

И, немоты лишившись грозной,
Немые перед тем судом
Заговорят. Но будет поздно:
По праву мы их не поймем...

1943

У СЛАВНОЙ МОГИЛЫ

Нам памятна каждая пядь
И каждая наша примета
Земли, где пришлось отступить
В пыли сорок первого лета.

Но эта опушка борка
Особою памятью свята:
Мы здесь командира полка
В бою хоронили когда-то.

Мы здесь для героя-отца,
Менясь по-двое, спешили
Готовый окопчик бойца
Устроить поглубже, пошире.

В бою — как в бою. Под огнем
Копали, лопатой саперной
В песке рассекая с трудом
Сосновые желтые корни.

И в желтой могиле на дне
Мы хвои зеленой постлали,
Чтоб спал он, как спят на войне
В лесу на коротком привале.

Прости, оставайся, родной!..
И целых и долгих два года
Под этой смоленской сосной
Своих ожидал ты с восхода.

И ты не посетуй на нас,
Что мы твоей славной могиле
И в этот — и в радостный час
Не много минут посвятили.

Торжествен, но краток и строг
Салют наш и воинский рапорт.
Тогда мы ушли на восток,
Теперь мы уходим на запад.

Над этой могилой, скорбя,
Склоняем мы с гордостью знамя:
Тогда оставляли тебя,
А нынче, родимый, ты с нами!

1943

ИВАН ГРОМАК

*Героям
Первой Смоленской штурмовой
комсомольской инженерной бригады.*

Не всяк боец, что брал Орел
Иль Харьков, иль Полтаву,
В тот самый город и вошел
Через его заставу.

Такой иному выйдет путь
В согласии с приказом,
Что и на город тот взглянуть
Не доведется глазом..

Вот так, верней, почти что так,
В рядах бригады энской
Сражался мой Иван Громак,
Боец, герой Смоленска.

Соленый пот глаза слепил
Солдату молодому,
Что на войне мужчиной был.
Мальчишкой числясь дома.

В бою не шутка со свежа,
Однако дальше — больше,
От рубежа до рубежа
Воюет бронбойщик...

И вот уже недалеки
За дымкой приднепровской —
И берег тот Днестра-реки,
И город — страж московский.

Лежит пехота. Немец бьет.
Крест-накрест пишут пули.
Нельзя назад, нельзя вперед.
Что ж, гибнуть? Чорта в стуле!

И словно силится прочесть
В письме слепую строчку,
Глядит Громак и молвит: — Есть! —
Заметил вражью точку.

Берет тот кустик на прицел,
Припав к ружью, наводчик.
И дело сделано: отпел
Немецкий пулеметчик.

Один отпел, второй поет,
С кустов ссекая ветки.
Громак прицелился — и тот
Подшиблен пулей меткой.

Команда слышится:

— Вперед!

Вперед, скорее, братцы!..

Но тут немецкий миномет

Давай со зла плеваться.

Иван Громак смекает: врешь,

Со страху ты сердитый.

Разрыв! Кусков не соберешь —

Ружье бойца разбито.

Громак в пыли, Громак в дыму,

Налет жесток и долог.

Громак не чуял, как ему

Прожег плечо осколок.

Минутам счет, секундам¹ счет.

Налет притихнул рьяный.

А немцы — вот они — в обход

Позиции Ивана.

Ползут, хотят забрать живьем.

Ползут, скажи на милость,

Отвага тоже: впятером

На одного решились.

Вот — на бросок гранаты враг.

Громак его гранатой.

Вот рядом двое. Что ж Громак²

Громак — давай лопатой.

Сошлись, сплелись, пошла возня.
Громак живучий малый.
— Ты думал что? Убил меня?
Смотри, убьешь, пожалуй!

Схватил он немца, затая
И боль свою и муки.
— Что, думал — раненый? А я
Еще имею руки.

Сдавил его одной рукой,
У немца прыть увяла.
А тут еще — один, другой —
На помощь. Куча мала!

Лежачий раненый Громак
Под ними землю пашет.
Конец, Громак? И было б так,
Да подоспели наши...

Такая тут взялась жара,
Что передать не в силах.
И впереди уже «ура»
Слышал Громак с носилок.

Враг отступал в огне, в дыму
Пожаров деревенских...
Но не пришлось самому
Ивану быть в Смоленске.

И как гласит о том молва,
Он не в большой обиде.
Смоленск — Смоленском. А Москва?
Он и Москвы не видел.

Не приходилось — потому...
Опять же — горя мало:
Москвы не видел, но ему
Москва салютовала.

1943

В СМОЛЕНСКЕ

1

Два только года — или двести
Жестоких, нищих лет прошло.
Но то, что есть на этом месте, —
Ни город это, ни село.

Пустырь угрюмый и безводный,
Где у развалин ветер злой
В глаза швыряется холодной
Кирпичной пылью и золой,

Где в бывшем центре или предместьи
Одна в ночи немолчна песнь:
Гремит, бубнит, скребег по жести
Войной оборванная жесь.

И на проспекте или проселке,
Что меж руин пролег, кривой,
Ручные беженцев двуколки
Гремят по древней мостовой.

Дымок из форточки подвала,
Тропа к колодцу в Чортов ров...
Два только года. Жизнь с начала —
С огня, с воды, с охапки дров.

2

Какой-то немец в этом доме
Сушил над печкою носки,
Трубу железную в проломе
Стены устроив мастерски.

Уютом дельным жизнь-временку
Он оснастил как только мог,
Где гвоздь, где ящик, где жестянку
Служить заставив некий срок.

И в разоренном доме этом
Определившись на постой,
Он жил в тепле и спал раздетым
И мылся летнею водой...

Пускай не он сгубил мой город,
Другой, что вместе убежал,—
Мне жалко воздуха, которым
Он год нль месяц здесь дышал.

Мне жаль тепла, угла и крова,
Дневного света жаль в дому,

Всего, что может быть здорово
Иль было радостно ему.

Мне каждой жаль тропы и стежки,
Где проходил он по земле,
Заката, что при нем в окошке
Играл вот так же на стекле.

Мне жалко запаха лесного,
Дровец, наколотых в снегу,
Всего, чего я вспомнить снова,
Не вспомнив немца, не могу,

Всего, что сердцу с детства свято,
Что сердцу грезилось светло
И что навеки без возврата
Тяжелой черною утратой
Отныне на сердце легло.

1943.

* * *

Зачем рассказывать о том
Солдату на войне,
Какой был сад, какой был дом
В родимой стороне.
Зачем? Иные говорят,
Что нынче за войной
Он позабыл давно, солдат,
Семью и дом родной;
Он ко всему давно привык,
Войною научен,
Он и тому, что он в живых,
Не верит нипочем.
Не знает он, иной боец,
Второй и третий год:
Женатый он или вдовец,
И писем зря не ждет.
Он не спешит уже домой,
Солдат, надеждой нищ.
Он грелся летом и зимой
У стольких пепелищ.

И дела не было ему,
Гадать не стало б сил,
Кто в том иль в этом жил дому,
В саду траву косил
И кто, собравшись на войну,
В ней канул — где бог весть,
И чью жену с детьми одну
Война застигла здесь...
Так о солдате говорят,
И сам порой он врет:
Мол, для чего смотреть назад,
Когда идешь вперед.
Зачем рассказывать о том,
Зачем бередить нас,
Какой был сад, какой был дом —
Зачем? Затем как раз,
Что человеку на войне,
Как будто навло ей,
Тот дом и сад вдвойне, втройне
Дороже и милей.
И чем бездомней на земле
Солдата тяжкий быт,
Тем крепче память о семье
И доме он хранит.
Забудь отца, забудь и мать,
Жену свою, детей,
Ему тогда и воевать
И умирать трудней.

Живем, не по миру идем,
Есть, что хранить, любить.
Есть, где-то есть иль был наш дом,
А нет — так должен быть!

1943

ОГОНЬ

Костер, что где-нибудь в лесу,
Ночуя, путник палит,—
И тот повысушит росу,
Траву вокруг обвялит.

Пожар начнет с одной беды,
Но, только в силу вступит,
Он через улицу сады
Соседние погубит.

А этот жар — он землю жег,
Броню стальную плавил,
Он за сто верст касался щек
И брови кучерявил.

Он с ветром несся на восток,
Сжигая мох на крышах,
И сизой пылью вдоль дорог
Лежал на травах рыжих.

И от столба и до столба,
Страду опережая,
Он на корню губил хлеба
Большого урожая...

И кто в тот год с войсками шел,
Тому забыть едва ли
Тоску и муку наших сел,
Что по пути лежали.

И кто из пламени бежал
В те месяцы лихие,
Тот верить мог, что этот жар
Смертелен для России.

И безнадежно мог брести,
Тех, что прошли, сменяя,
И думать:
«Родина, прости,
Страдалица родная.

Прости, когда-нибудь пойми,
Как горько было сыну
Тебя, что беженку в пути
На большаке покинуть...»

И, может, многие сыны
Уже сказали это.
Но время шло, и для войны
Недоставало лета.

И не одна уже судьба
Была войны короче,
И шла великая борьба
Уже, как день рабочий.

И долг борьбы — за словом — власть
Внушала карой строгой.
И воин, потерявший часть,
Искал ее с тревогой...

И ты была в огне жива,
В войне права, Россия!
И силу вдруг нашла Москва
Ответить страшной силе.

Москва, Москва, твой горький год,
Твой первый гордый рапорт...
С тех пор и ныне нас ведет
Твой клич:
— Вперед на запад!

Пусть с новым летом вновь тот жар
Дохнул, невероятный,
И новый страшен был удар,—
Он был уже не первый.

Ты, Волга, русская река,
Легла врагу преградой.
Восходит заревом в века
Победа Сталинграда.

Пусть с новым летом новый жар
Дохнул,— его с восхода
С привычной твердостью встречал
Солдатский взгляд народа.

Он мощь свою в борьбе обрел
Жестокой и кровавой,
Солдат-народ. И вот — Орел —
Начало новой славы.

Иная шествует пора,
Рванулась наша сила
И не споткнулась у Днепра,
На берег тот вступила.

И кто теперь с войсками шел,
Тому забыть едва ли
И скорбь и радость наших сел,
Что по пути лежали.

Да, много горя, много слез —
Еще их срок не минул,—
Не каждой матери пришлось
Обнять родного сына.

Но праздник свят и величав.
В огне полки сменяя,
Огонь врага огнем поправ,
Идет страна родная.

Ее святой, великий труд,
Ее немые муки
Прославят и превознесут
Благоговейно внуки.

И скажут, честь воздав сполна,
Дивясь ушедшей были:
Какие были времена!
Какие люди были!

1943

МИНСКОЕ ШОССЕ

Все, как тогда, в то лето злое:
И жесткий шорох пыльных' трав,
И ветер, дышащий золою,
И грохот бомб у переправ,
И блеклый хворост маскировки,
И жаркий, жадный ход машин,
И пеший раненый на бровке,—
И он, наверно, не один...

И вздох орудий недалекий,
И гул шоссейного моста,
И тот же стон большой дороги,
И те же самые места:
Низины, дробные сосенки,
Где, отмечая срок войны,
Трехлетней давности воронки
Меж новых, нынешних, видны,

И жженой жести тот же запах,
И пепелищ угарный дым.

Но только — мы идем на запад.
Мы наступаем. Мы громим.

Мы бьем его что день, то пуше,
Что час, то злей и веселей,
В хвосты колонн его бегущих
Врываясь вдруг броней своей.

Ему ни отдыху, ни сроку,
Беги, куда бежать — гляди:
На пятки ждем, всыпаем сбоку,
И — стой! — встречаем впереди.

Идет, вершится суд суровый,
Священна месть и казнь права.
И дважды, трижды в день громово
Войскам салюты шлет Москва.
И отзвук славы заслуженной
Гудит на тыщи верст вокруг.
И только плачут наши жены
От счастья так же, как от мук.

И только будто зов несмелый
Таят печальные поля,
И только будто постарела,
Как в горе мать, сама земля.
И рост, и доброе цветенье
Всего, что водится на ней,
Как будто строже и смиренней,

И сердцу русскому больней,
Вот дождик вкрадчиво прокрапал.
Как тонок грустный дух снца!..

Войска идут вперед на запад.
Вперед на запад! До конца...

1944

ЗДЕСЬ БЫЛИ НЕМЦЫ

Ушли в хлеба траншеи, ходы
И ржавых проволок ряды,
И отстоялись в реках воды,
И завязь выдали сады.
И на земле — житье людское,
И дым жилой по гребням хат,
Что бабьей рублены рукою...
Здесь немцы были год назад.

Дымится крошево щебенки,
Торчит стена с пустым окном.
И от воронки до воронки —
Трава, сожженная живьем.
Железной гари едкий запах,
Горелых трупов древний чад.
В пыли, в багровых дымах запад...
Здесь немцы были день назад.

— Столбом стоит разрывов осыпь,
На запад улица в огне.

И танки за город уносят
«Ура» пехоты на броне.
Листва на ветках не обвяла,
Что мимолетом ссек снаряд.
Еще для жизни сроку мало —
Здесь немцы были час назад.

Пройдется плуг по их могилам,
Накроет память их пластом,
И будет мир отрадным тылом
Войны, потушенной огнем.
И, указав на земли эти
Внучатам нынешних ребят,
Учитель в школе скажет: — Дети,
Здесь немцы были век назад.

ГРАНИЦА

Граница моей державы,
Означена ты навек
Не этой колючкой ржавой
Вдоль просек лесных и рек,
Не этим мостом, что ровно
Надвое разделен,
Не той, не другой условной
Чертой, что для нас закон,

А горечью душной пыли
Больших и малых дорог
Со дня, как мы отступили
Из этих мест на восток,
А страшной грозой кровавой,
Кропившей землю и снег,
Граница моей державы,
Означена ты навек.

Означена ты боями
На смерть, не на живот

Всем тем, что лежит за нами
Отсюда до волжских вод.
Всей болью и всею славой,
Что знает наш челсвек,
Граница моей державы,
Означена ты навзк.

Державы моей граница,
В глубоком тылу, вдали —
За нами Москва, столица
Свободной нашей земли.
За нами, ее сынами,
Родимых столько могил!
Бессмертный подвиг за нами,
Что нам лишь под силу был.

Святое, грозное пламя
Отмщенья, бушуй в груди.
Родная земля — за нами,
Граница ее — позади.
За горе, за все страдания,
Что видел наш мирный дом,
Плати по счетам, Германия,
Молись! По тебе идем!

1944

ВОЗМЕЗДИЕ

Мы сотни верст и тыщи верст земли,
Родной земли, завещанной отцами,
Топча ее, в страде войны прошли
С оглохшими от горечи сердцами.

Из боя в бой мы шли, из боя в бой,
И, отступая, в страшный час разлуки,
Мы не могли, солдаты, взять с собой
Всех тех, что к нам протягивали руки.

Мы покидали милые поля,
Где провожал нас каждый колос хлеба
И каждый кустик сизый ковыля.
Да, то была родимая земля,
Хотя над ней чужое выло небо,

Хотя на ней медовый вянул цвет,—
Так смертной гарью от дорог разило,
Хотя по ней прокладывала след
Чужих колес и гусениц резина.

Мы шли от рубежа до рубежа
Родной земли, прощаясь молча с нею, !
Та боль тогда еще была свежа,
Но с каждым днем, как рана от ножа,
Она горела глубже и сильнее.

И все места, где немец проходил,
Куда вступал бедой неотвратимой,
Рядами вражьих и своих могил
Мы отмечали на земле родимой.

И в глубь страны все дальше отходя,
У Верхней Волги и у речки Нары
Мы неизменно, именем вождя,
Врагу сулили день суровой кары.

От стен Москвы в морозной жесткой мгле,
Живые мертвых на ходу сменяя,
Его мы гоном гнали по земле,
Но то земля была своя, родная...

У Сталинграда вещей битвы жар
Простерся в вечность заревом кровавым.
И, чуя гибель, враг от нас бежал,
Гонимый вспять оружием нашим правым.

То был залог, порука из порук,
Что мы его угомоним навеки.
Но Дон, Донец, но старый Днепр и Буг —
Еще родные наши были реки.

В степи, в горах мы смерть ему несли
И в море опрокидывали с суши.
Но скорбь войной потоптанной земли,
Родной земли томила наши души.

Нам, только нам горька она была,
Ее сынам, печаль земли родимой,
Земли, что столько горя приняла,
Чьи муки, может, невознаградимы...

Вперед, вперед бессонно шли войска,
Ее войска,— вперед, презрев усталость.
И не одна нерусская река
Уже за нами позади осталась.

И гром гремел у старых стен Кремля
Во имя славы нашей запредельной.
Но то была не та еще земля,
Не та, с которой счет у нас отдельный.

В тяжелый воз нуждою впряжены,
Его везли мы в гору, не плошая.
Четвертый год. Четвертый год войны —
И вот земля та самая, чужая.

Вот крыша дома, в виде корабля,
Вот садика невинные верхушки,
Осенние смиренные поля.
Но то она,— немецкая земля,
Чьи под Москвой месили землю пушки.

И ветер дышит жаркою золой,—
То час настал для исполненья гнева,
И низко виснет над чужой землей
Ревущее грозою наше небо.

Четвертый год! Четвертый год войны
Нам локти мажет желтой прусской глиной,
И тысячи стволов наведены
Указками дороги до Берлина.

И в этот грозный предреченный час,
У этих сел, фольварков и предместий,
О мести не спрашивайте нас,
Спросите так: верны ль мы нашей чести?

Ее завет и краток и суров,
И с тем у нас никто не будет в споре:
Да, смерть — за смерть, и кровь — за кровь,
За горе — горе...

1944

СОДЕРЖАНИЕ

В тот самый час...	3
Земляку	7
В пути	10
Армейский сапожник	16
Рассказ старика	20
Когда пройдешь путем колонн	26
Позаростали стежки-дорожки	28
Большое лето	30
Ремье	35
У славной могилы	37
Иван Громак	39
В Смоленске	44
Зачем рассказывать о том...	47
Огонь	50
Минское шоссе	55
Здесь были немцы	58
Граница	60
Возмездие	62

3 руб.